

ХВАЛА ВОСТОКУ, ХВАЛА
ОРИЕНТАЛИЗМУ, ИЛИ ЦЕЛЬ НЕУДАЧ
АНКЕТИЛЬ-ДЮПЕРРОНА*

Предваряя русский перевод моей статьи об Анкетиль-Дюперроне, я хотела бы обратить внимание на несколько моментов. Долгое время прожив в Индии, Анкетиль-Дюперрон создал пространное описание своего путешествия, в котором читатель ожидает найти его непосредственные наблюдения. Он также привез во Францию основные трактаты зороастрийской и буддистской традиции, таким образом положив начало – вместе с прочими своими современниками – европейской индологии. Его “Восточное законодательство” имеет цель опровергнуть идеи Монтескье, который в своем сочинении “Дух законов” объединил политические институты Востока в общую категорию деспотизма. Основанный на непосредственном знакомстве с Индией и ее учеными традициями, труд Анкетили должен был произвести впечатление. Но этого не произошло. Сочинение Анкетиль-Дюперрона занимает весьма скромное место в системе западных знаний о Востоке. При жизни автора его труд получил весьма сдержанную оценку. Ни при жизни Анкетиль-Дюперрона, ни после его смерти его труд ни разу не переиздавался, несмотря на огромную популярность, которой пользовались в то время сочинения о путешествиях в Индию. “Восточное законодательство” оставалось мертвой буквой. Единственная заслуга Анкетили состоит в том, что он собрал основные аутентичные тексты об Индии. Необходимо поставить вопрос о причинах этого провала. Объяснения, выдвигавшиеся до сих пор, не представляются убедительными, и в этой статье предлагаются другие методы интерпретации – методы социологии коммуникаций и анализа риторики.

* * *

Для характеристики политического устройства Аристотель предложил следующие категории – монархия, олигархия, демократия и их девиантные формы. Эти категории периодически переосмысливались в западной интеллектуальной традиции, а их эвристическая сила подвергалась постоянной переоценке. Периоды политических сомнений и кризисов стали особенно благоприятными для подобной критической и таксономической работы. Известно, что слова “деспот” и “деспотический” после долгого забвения в средние века вновь появляются в XIII в. с возрождением греческих штудий. Однако политическая традиция гуманизма не заимствовала эти ка-

* От редакции: Статья впервые опубликована в журнале “Revue d'histoire des religions” (1995, № 1), Paris, P.U.F. Подготовка русского перевода к публикации осуществлена при поддержке РГНФ. Грант 96-01-00081, проект «Феномен Иного: “свое” и “чужое” в пространстве культуры».

тегории, заменив их различными другими терминами. Это относится как к латыни, так и к итальянскому, французскому и английскому языкам. Впервые эти категории упоминаются в итальянском и французском языках во второй половине XVI в., а в английском – в середине XVII в.¹ Еще веком позже была издана книга “О духе законов” (1748 г.). По крайней мере для Франции ее появление представляет собой определенную веху в возрождении философской рефлексии, в пересмотре аристотелевских категорий и производных от них и, наконец, в определении понятия “деспотизм”. Этот термин в его различных вариантах претерпел длительную эволюцию: термин “деспотизм” в его первоначальном значении употреблялся для обозначения авторитарных форм абсолютной монархии; термин “восточный деспотизм”, под пером словоохотливого Буланже, служил для бичевания Азии, “постоянно пребывающей в расслабленности и рабстве” и для ее противопоставления “славной и всегда дорожающей своей свободой Европе”²; “просвещенный деспотизм” – определение, которое использовалось позднейшими историками для ретроспективной характеристики некоторых монархических реформаторских режимов Европы эпохи Просвещения. В XIX и XX вв. появляются другие термины – “автократия”, “бонапартизм”, “диктатура”, “тоталитаризм”. Их ждала разная судьба, но категория “деспотизм” перестала употребляться. В результате эволюция термина “деспот” закончилась там же, где начиналась: в сфере домашних отношений. По крайней мере по-французски слово употребляется применительно к главе семьи, злоупотребляющему своей властью.

Известно также, что эти категории и таксономии, в которые они вписываются, были приняты не без возражений просвещенной публики. Каждая классификация политических систем обязана своим возникновением диалогу между политической философией и другими отраслями знания, и каждый диалог именно из этих традиций черпает свои силы. Исторический опыт и сочинения путешественников приобретают в этих дебатах огромное значение. В самом деле, эмпирический опыт, который оправдывает и актуализирует подобные таксономии, имеет многообразные истоки – в первую очередь, разумеется, современные общества, хорошо известные политическим мыслителям и являющиеся непосредственным предметом их размышлений. В том, что касается прошлого, немаловажное значение имеет и история, а в том, что касается настоящего – жизнь далеких стран, какими они предстают в описаниях путешественников. И всякий пересмотр этой классификации, предлагаемый политическими мыслителями требует, таким образом, обратиться к суждениям и утверждениям знатоков – в упомянутых периодах и регионах. Если говорить об определении деспотического правления, предложенном Монтескье, и о той связи, которую он устанавливает между данной формой правления и климатическими условиями Азии, то здесь ему возражали физиократы, в частности, Кене, который никогда не был в Китае, и тем не менее подвел существующую там форму правления под категорию деспотизма на основе законов³. Кроме того – и даже в первую очередь – возражения исходили от Анкетиль-Дюперрона – востоковеда и одного из основателей индологии

4. Одиссей, 1997...

во Франции. Через 30 лет после выхода книги "О духе законов", Анкетиль-Дюперрон решил откликнуться на критику в труде, посвященном описанию Индии, Персии и Османской империи. Его книга вышла в 1778 г. под следующим названием: "Восточное законодательство, исследование, в котором автор, показывая, какие основные Принципы Управления существуют в Турции, Персии и Индостане, доказывает: 1. Что представление о Деспотизме, якобы полностью присущем этим трем Государствам, является абсолютно ложной идеей. 2. Что в Турции, Персии и Индостане существует Кодекс писанных Законов, обязательный как для Правителя, так и для подданных. 3. Что во всех этих трех Государствах частные лица обладают собственностью в виде движимого и недвижимого имущества, которым они свободно распоряжаются".

Название книги говорит само за себя: предельно ясны программа автора, его намерение вести полемику, его способ аргументации. Так явно показав свою цель, он почти заставляет закрыть книгу. Но если все же хочется узнать больше, погрузиться в чтение, то прежде всего для того, чтобы получить ответы на некоторые вопросы: как Анкетиль-Дюперрон, долго живший в Индии, анализирует политические системы мусульманского Востока? Каким образом его непосредственное знание региона и терпеливое изучение индийских священных текстов воздействовали на его представления и метод? Что, наконец, можно узнать о восточных политических системах из других произведений, написанных как до, так и после "Восточного законодательства"? Можно ли считать его выводы развернутыми, глубокими, обоснованными?

Итак, в заголовке все сказано и нам ясно: Анкетиль-Дюперрон безусловно прав в своих доводах против Монтескье. Однако он не был услышан. Монтескье читают до сих пор, а об Анкетиль-Дюперроне ничего не знают. И это вызывает новый круг вопросов: почему "Восточное законодательство" в наше время лишь упоминается, да и то изредка? Почему это произведение существует в единственном издании, и его ни разу не перевели на иностранный язык? Эдвард Саид, исследовавший и обличавший западную структуру знаний о Востоке, питает слабость к нашему автору и оценивает его как представителя эгалитарного гуманизма⁴. Он опирается в этом на Раймона Шваба, биографа Анкетиль-Дюперрона 1930-х годов, который в частности пишет: "Никто в такой степени не опередил современных разоблачителей колониального угнетения", и далее: "До самой смерти он был первым и непримиримым теоретиком равенства всех цветов кожи"⁵. Совсем недавно Гвидо Аббатиста, которому мы обязаны изданием "Философских, исторических и географических рассуждений о двух мирах (1780–1804)", еще раз подчеркнул неприязнь Анкетиль-Дюперрона к этноцентризму и европоцентризму⁶. Может быть, причина столь умеренного успеха этого автора у современников заключалась в том, что он слишком поздно выступил со своей идеей защиты Востока? Ведь в XVIII в. Европа была одержима торговой экспансией безудержным стремлением к политическому контролю над всеми регионами мира. Она не затрудняла себя критическими рассуждениями о легитимности ее экспансии. Может быть, уже

тогда существовала ситуация, обрисованная Эдвардом Саидом в "Ориентализме", при которой любая мысль, направленная на защиту Востока, была обречена на провал? Или же наоборот, происходящая время от времени "реабилитация" Анкетиль-Дюперрона современными исследователями говорит скорее о том, что он опередил свое время? Его своеобразный гуманизм и сегодня поражает нас своей актуальностью.

Для того чтобы осветить все названные вопросы, можно использовать разные подходы. К примеру, написать биографию Анкетиль-Дюперрона, что в свое время столь успешно сделал Раймон Шваб. Или же посмотреть на проблему с точки зрения интеллектуальной истории, внимательно прочитав "Восточное законодательство" и другие произведения того же автора. В этом случае необходимо будет исследовать, какие новые идеи сформулировал Анкетиль-Дюперрон, как он это сделал, и выяснить, какое место они занимают среди идей, высказанных его же современниками. Подобный путь уже проделали Анри Лоран⁷ и Гвидо Аббатиста. А, может быть, следует попробовать провести эксперимент по исторической социологии, узнать, к кому были обращены идеи Анкетиль-Дюперрона, кто их воспринял, как их использовали и в течение какого времени они были актуальными, но кроме того: в каких социально-культурных условиях формировался Анкетиль-Дюперрон, какое место он занимал в интеллектуальной среде своей эпохи? Эту работу также уже отчасти проделали его биографы. Или же, наконец, следует использовать все эти подходы попеременно, потому что моменты, относящиеся к биографии, исторической социологии и истории интеллектуальной среды, часто переплетаются в судьбе Анкетиль-Дюперрона и было бы нелепым попытаться их разделить.

*"Я человек, я люблю мне подобных"*⁸

Начнем с биографии, рискуя очень традиционно подойти к делу, ограничившись анализом жизненного и творческого пути. Можно было бы не подвергаться подобной опасности, учитывая, что жизнь и творчество Анкетиль-Дюперрона уже были объектом различных исследований⁹, в том числе в книге Раймона Шваба, опубликованной в 1934 г. Эти исследования, на первый взгляд, должны были бы помочь избежать повторения пройденного пути. Но не искажают ли они наше видение проблемы, представляя Анкетиль-Дюперрона в качестве необычной в мире знания фигуры? Как можно оценить этот биографический материал, не поддавшись при этом искушению безудержно восхвалять нашего героя? Возможно ли прочитать его биографию лишь для того, чтобы выделить в ней то, что могло бы дать ответ на выше поставленные вопросы? Благоразумие подсказывает, что лучше было бы обратиться к источникам, во всяком случае там, где легко установить данные. Однако таких источников не существует, если не считать некоторых данных гражданского состояния. В остальном же картина жизни этого человека создается из тех эпизодов его биографии, о которых он сам рассказывает в своих произведениях и переписке, или же из

тех, о которых упоминается в некрологах, написанных после его смерти, и позднейших повествованиях. Анкетиль-Дюперрон умер в 1805. После него остались эти описания, воссоздающие его облик. Опираясь на них, и я, в свою очередь нарисую свой портрет этого человека, и в этом портрете, конечно, будет ощутимо влияние времени, в котором я живу.

Авраам-Гиацинт Анкетиль-Дюперрон родился в Париже 7 декабря 1731 г. и умер в том же городе 17 января 1805 г. В то время, когда он родился, его отец держал бакалейную лавку на улице Веррери. Авраам-Гиацинт был четвертым ребенком в семье, у его родителей потом родились еще два мальчика и девочка. Мы еще встретимся с двумя его старшими братьями, потому что они будут принимать участие в жизни нашего Анкетеля.

Канва событий, которые необходимо знать, сводится к следующему. Анкетиль-Дюперрон изучает теологию в Сорбонне; он посещает также семинары ясенистов в Голландии (Рейнсвейк и Амерсфорт) в 1751–1752 г., проявляет способности к языкам, которые иногда изучает самостоятельно. Он знает латынь, греческий, еврейский и арабский. Однажды в Королевской библиотеке, где он тогда работал, ему показывают копию оксфордской рукописи на неизвестном языке. Для того, чтобы ее расшифровать, он решает поехать к месту происхождения этой рукописи и 7 ноября 1754 г. с войсками Индийской Компании отправляется в Индию. Он прибывает в Пондишери 10 августа 1755 г. и остается в Индии до марта 1761 г. В Индии он провел почти шесть лет. За это время он объехал восточное и западное побережье Индии, прерывая свое путешествие для научных занятий и изучения языков – персидского, малабарского, бенгальского, авестийского, а также пехлеви. Различными способами он достает копию Авесты, копии Книги Заратустры, пехлеви-персидский словарь. Прямо на месте он переводит часть своих текстов, исписывает тысячи страниц и привозит в Париж, куда возвращается в 1762 г., более 180 рукописей и образцы текстов почти на всех языках Индии.

Всю оставшуюся жизнь он посвятил переводам и публикации собранных документов и сведений. Три тома "Зенд-Авесты", опубликованные в 1771 г., содержат одновременно описание его путешествия и пребывания в Индии и переводы основополагающих текстов зороастризма. До этого он опубликовал "Краткое описание" (1762 г.); затем – "Восточное законодательство" (1778 г.), "Исторические и географические исследования Индии" (два тома: 1786–1787 гг.), "Достоинство торговли и положение торговца" (1789 г.), "Индия по отношению к Европе" (2 тома, 1798 г.) и в 1801 г. "Упанишады" – основополагающий текст санскритской литературы. После смерти Анкетиль-Дюперрона остался перевод "Путешествия в Ост-Индию" отца Лопена де Сен-Бартелеми, издание которого осуществил Сильвестр де Саси. Это произведение вышло в 1808 г. в трех томах. Оно содержит помимо наблюдений Анкетиль-Дюперрона о разных странах его "рассуждение" о земельной и индивидуальной собственности в Индии и Египте, в котором он возвращается к аргументам, разработанным в "Восточном законодательстве". И еще сохранились тысячи рукописных страниц, пять томов, часть которых хранится в Национальной библиотеке¹⁰.

Однако мы не можем ограничиться этим сухим перечислением, потому что в истории жизни Анкетиль-Дюперрона необходимо выделить два важных драматических момента. Первый касается его образа существования. Второй – восприятия научным сообществом его творчества ориенталиста.

Он отказывается от пенсий и почестей и добровольно предпочитает жить в бедности. Людовик XVI назвал его в числе тех литераторов и ученых, которым Франция должна быть признательна, и выделил ему дотацию в звонкой монете. Рассказывают, что друг Анкетиль-Дюперрона принес ему эти деньги и положил на камин. Но когда тот выходил из дома, Анкетиль-Дюперрон бросил ему вслед сумку с монетами, да так, что она оказалась внизу раньше, чем его друг успел спуститься по лестнице¹¹. Позднее, прибегнув к хитростям, друзьям удалось добиться того, чтобы он взял хотя бы часть этой суммы. Во время революции он отказывается от пенсии, которую ему назначает Общество народного образования, под предлогом, что он в ней не нуждается. Он становится, по словам Раймона Шваба “отказником в Париже в эпоху Революции”. Наконец, в период империи он покидает Французский институт, отказавшись дать присягу императору.

Итак, еще шаг и Анкетиль можно возводить в ранг героя и святого¹². И этот шаг был сделан. Прежде всего самим автором. Начиная с 1762 г., только вернувшись, он представляет и публикует свое “Краткое описание путешествия в Индию”. Он рассказывает о том, как он увидел четыре листа труда “Вендидад Саде”, присланных из Англии. “Сразу же, – заявляет он, – я решил обогатить мою родину этим редким произведением (т.е. решил ехать на место) и отправился 24 февраля 1755 г.* в Ост-Индию с решением привезти оттуда законы Заратустры и брахманов”¹³. Молниеносный отклик на внезапно открывшееся призвание, предчувствие блестящих результатов собственного п. двига, движущей силой которого был патриотизм – к этим темам он не раз вернется впоследствии. *Зенд-Авеста*, опубликованная в 1771 г., в действительности начинается с рассказа о путешествии и пребывании автора в Индии. Это описание занимает почти 500 страниц. Анкетиль-Дюперрон не устает упоминать о скудости своих средств, плохом питании, преодолении трудностей и опасностей. В 1798 г., через 44 года после отъезда в Индию, открывая свой труд “Индия по отношению к Европе”, публикация которого была задержана королевской администрацией, он так представил свое путешествие: “Вот судьба, уготованная литераторам, которые любят правду и только ее. Ни малейшей удачи: хорошо еще, что тебя не преследуют. В 1754 г. я сделался солдатом, чтобы в 21 год (неверно, ему было 23. – Л.В.) отправиться в Индию и искать там памятники и сокровища знаний персов и индусов: когда я вернулся, мне угрожала тюрьма, моя работа была остановлена, мои рукописи конфискованы, тогда как я хотел донести до Европы плоды моих бдений, моих страданий. Я даже пожертвовал моим состоянием” (с. XVII).

* Так в оригинале. Путаница в датах (выше названо 7 ноября 1754 г.), скорее всего, создана Анкетилем намеренно. Не случайно он делал себя моложе на несколько лет. – *Примеч. пер.*

И далее: "Пройдя Индию с посохом в руках и с сумкой за спиной, я дал себе безмолвное обязательство обогатить мою родину знаниями этих краев" (с. XX).

Итак, с самой молодости Анкетиль-Дюперрона отличали четкое видение цели, любовь к родине, чувство справедливости, жертвенность, готовность принять гонения – вот что он желает продемонстрировать, говоря о начале и о результатах своего путешествия. А вот на что он хочет обратить внимание читателя, описывая свою жизнь после возвращения в предисловии к латинскому переводу Уланишад, опубликованному в 1801 г.: "Анкетиль-Дюперрон приветствует мудрецов Индии. – О, мудрецы, не пренебрегайте писаниями человека, который, можно сказать, принадлежит вашей касте! Послушайте, я вас прошу, каков мой образ жизни. Моя повседневная пища состоит из хлеба, небольшого количества молока и сыра и колодезной воды. Все это стоит четыре французских су или 1/12 индийской рупии. Зимой я страдаю от холода; матрас и постельное белье мне незнакомы. Я не меняю и не стираю нательное белье. Не имея ни дохода, ни жалования, ни места работы, я живу моими литературными трудами и чувствую себя достаточно хорошо, учитывая мой возраст и перенесенные трудности. У меня нет ни жены, ни детей, ни слуг. Лишенный всех благ этого мира и освобожденный от его оков, одинокий и абсолютно свободный, я тем не менее очень люблю людей – главным образом, хороших людей. В таком состоянии, ведя суровую войну с моими чувствами, я презираю соблазны жизни и преодолеваю их. Я подхожу к концу моего существования. Я живо и с постоянным старанием стремлюсь к высшему совершенному Существованию и в спокойствии жду распада моего тела"¹⁴.

Кому мог быть адресован подобный текст? Разумеется, не тем, кому он предназначался, мудрецам Индии, которые никогда не получают этого братского послания на латыни. По форме и содержанию это обращение весьма типично для Анкетиль-Дюперрона: мизантропия во имя любви к роду человеческому; неприятие общества, которому он в то же время навязывает чтение двух томов на латыни (утверждая при этом, что после Революции знание латыни исчезло); стремление к независимости и жажда славы. Все это демонстрирует часто встречающуюся у людей того времени смесь принципов, когда "сознательная и добровольная маргинальность становится основой для обличительных идей". В полной мере в этом преуспел Руссо¹⁵, а Анкетиль-Дюперрон только отчасти.

Впрочем, это не имеет значения. Так как сюжет сам указывает путь, последующие биографы ему только следуют. В частности, Мишле. Мы не можем отказать себе в удовольствии процитировать полностью его текст о вторичном открытии древней Индии: "Была дискуссия. Молодой человек решил все проверить. Его звали Анкетиль-Дюперрон, ему было всего 20 лет (Анкетиль-Дюперрона сделали моложе на год по сравнению с тем возрастом, о котором заявил он сам; на самом деле ему было 24 года. – Л.В.); он изучал в библиотеке восточные языки. Он был беден и не имел никаких средств для осуществления длительного и дорогостоящего путешествия, которое оказалось бы не под силу даже богатому англича-

нам. Он дал себе клятву, что доберется туда, что преуспеет в своем деле, что привезет и обнаружит первоначальные книги Персии и Индии. Он поклялся. И он это сделал.

Министр, которому его рекомендовали, находит приемлемым его проект, обещает помочь, откладывает свое решение. Анкетиль надеется только на себя. Ведется набор для Индийской Компании: он нанимается солдатом. 7 ноября 1754 г. молодой человек вместе с несколькими новобранцами покидает Париж под стук барабанов под началом старого сержанта-инвалида. Стоит пролистать первый том его книги, где рассказана эта странная Илиада обо всем том, что он вынес, преодолел и с чем столкнулся. Индия того времени, поделенная между 30 азиатскими и европейскими народами, отнюдь не была той покладистой Индией, которую увидел позднее Жакмон во времена английской администрации. На каждом шагу было препятствие. Он находился еще в 400 лье от города, где надеялся найти книги, которые хотел перевести, когда иссякли все возможности продвигаться дальше. Ему говорили, что в этой местности, покрытой непроходимыми лесами, водятся дикие тигры и слоны. Он продолжал путь. Иногда проводники пугались и покидали его. Он шел дальше. И он был вознагражден. Тигры удалялись, слоны его не трогали и лишь смотрели, как он проходит. И он опять шел, пересекая леса, и доходил, — этот победитель чудовищ.

Но если тигры его пощадили, то никакой пощады не дали болезни. А также женщины, будто сговорившиеся против 20-летнего героя, чья героическая душа запечатлелась в прекрасном обличии. Креолки, европейки, баядерки, султанши — вся эта роскошная Азия пыталась отвести его от порыва к знаниям. Они делали ему знаки со своих террас, приглашали его. Он на все закрывал глаза. Его баядеркой, его султаншей была старая, не поддающаяся дешифровке книга. Чтобы понять ее, нужно было завоевать, обольстить парсов, которые хотели его обмануть. На протяжении десяти лет он преследует их, оказывает на них давление и извлекает из них то, что они знают. А знали они очень мало. В конечном счете именно он их просветил, он их научил. Персидская Зенд-Авеста была переведена с отрывком из индийских Вед...¹⁶

Прочитав Мишле, откройте национальные биографические словари. Без присущего Мишле красноречия они воспроизводят примерно те же сюжеты — мужество главного героя, его бескорыстие, добровольные бедность и одиночество, неблагодарность ученых того времени, которые по ти забыли, что он ориенталист, представляя его лишь эксцентричным аскетом. Романтический персонаж ждал своего романа. Он появился только в 1983 г. под заголовком «Воин разума»¹⁷.

Обратимся к социальным условиям, которые сформировали характер Анкетиль-Дюперрона. Не задаваясь целью полностью восстановить его связи, остановимся на некоторых именах. Проделав экскурс по различным биографическим словарям, мы можем видеть, как менялись оценки людей, оставивших какой-то след в его судьбе¹⁸. В биографических сборниках XIX в. имеют честь фигурировать два его брата. Первый, Анкетиль

де Брианкур, родившийся в 1727 г., был консулом в Сурате, где пробыл, в два приема, 20 лет. И вот оказывается, что наш одинокий аскет накануне своего отъезда получал от него денежную помощь, а по приезде в Индию он нашел пристанище у этого самого брата, который и содержал его в течение нескольких месяцев. Дюперрон был сложным гостем. Он бил слуг брата, а ему самому грозил пистолетом: это "пытка" жить "не с братом, а с дьяволом", поясняет Брианкур¹⁹. Другой страший брат, Луи-Пьер (1723–1806), был монахом и известным в свое время историком. Его перу, в частности, принадлежит сочинение "Дух Лиги", которым историки пользуются и сегодня, а также "Очерк всемирной истории" в 12-ти томах (1801 и 1807) и "Истории Франции" в 14-ти томах (1807). Член Академии надписей и изящной словесности, он обладал достаточным влиянием, чтобы продвигать своего брата и добиваться для него пенсий и субсидий. После некоторых неприятностей во время Революции, в период Империи он стал членом Французского института и получил орден Почетного Легиона²⁰.

"История Франции" Луи-Пьера Анкетеля числится среди бестселлеров всей первой половины XIX в. Она была более популярна, чем иные шедевры, которые смогли, однако, выдержать более длительное испытание временем – например, "Юлия, или Новая Элоиза" Руссо. Сочинение Анкетеля выдержало 36 изданий между 1816 и 1850 гг.²¹ В середине же века "История Франции" представлялась уже "слабой и по стилю, и по идеям"²². Тем не менее в своих мемуарах историк Пьер Видаль-Наке, родившийся в 1930 г., писал, что мальчиком он читал "Историю Франции" Анкетеля²³.

Анкетиль-историк сохраняет за собой место в биографических словарях намного дольше по времени, чем Анкетиль де Брианкур-консул. Он попадает в немилость лишь в XX в., однако его имя все-таки оказывается в "Новом словаре французских и зарубежных биографий" (1964). Он фигурирует там рядом со своим однофамильцем, Жаком Анкетилем, "чемпионом Франции по велосипедному спорту в 1952 г."²⁴

Возвращаясь к Анкетиль-Дюперрону и его семье, отметим, что он, таким образом, вышел отнюдь не из низов. Он родился в семье, имеющей достаточные средства, получил хорошее образование, а затем пользовался поддержкой своих братьев. Нельзя сказать, чтобы он был абсолютно лишен средств и положения в обществе.

С янсенистами, у которых он учился, Анкетиль остался в хороших отношениях, вел с ними переписку. Одни из них жили в Голландии, другие – во Франции²⁵. Он переписывался и с другими людьми, более или менее близкими к янсенизму: в начале своей карьеры с Кейлюсом, епископом Оксерра; позже – с его племянником, графом де Кейлюсом, покровителем Анкетеля в 1750-х годах, затем аббатом Грегуаром, Камю – хранителем национальных архивов; а уже на закате дней – с Ланжюине и Сильвестром де Саси, крупным востоковедом. Именно ему Анкетиль-Дюперрон завещал свою библиотеку. Именно он взял на себя заботу закончить издание последнего произведения Анкетиль-Дюперрона.

Связи Анкетиль-Дюперрона с янсенистами не мешали ему поддерживать отношения и с их врагами, т.е. иезуитами. Распространение ордена иезуитов на Восток способствовало появлению в их среде специалистов, с которыми Анкетиль-Дюперрон обменивался проектами и гипотезами и от которых получал заметную поддержку²⁶. В Париже Анкетиль-Дюперрон был близок с академиками и благодаря им был представлен в высоких политических кругах. Среди его покровителей как до, так и после путешествия в Индию были: Силуэтт, аббат Бартеlemi²⁷, Бинон²⁸, Моллерб²⁹, Морепа. Перед отъездом он сумел заинтересовать своим проектом многих лиц, но покинул Париж, не дождавшись результатов. Приехав в Лориан, он узнал, что король пожаловал ему пенсию³⁰, а в Пондишери губернатор предоставил ему жалование, впоследствии вдвое увеличенное. По возвращении из Индии в 1762 г. Анкетиль сделал вынужденную остановку в Англии и использовал ее для общения с британскими учеными. Во Франции он нам рассказывает об одном из министров, графе де Сен-Флорентене: тот "милостиво согласился принять посвящение моих трудов и распространить на меня королевские благодарения" (Зенд-Авеста). ССССХХVIII). Другие "важные лица" тоже одобряют его работу. Итак, можно сделать вывод, что Анкетиль-Дюперрон умел поддерживать нужные связи и что, без сомнения, умел обратить себе на пользу тот горячий интерес, который просвещенная публика испытывала к Индии³¹. Духовенство и аристократы, знатные и влиятельные люди не только встречались на его пути, но и сопровождали его, подбадривали, протезировали ему и, когда надо, защищали³².

А теперь о путях достижения его цели. Прежде всего, он относит себя к категории людей пишущих (*hommes de lettres*). Этот статус для него определяется двумя добродетелями: любовь к истине и отвага. Обладающий отвагой должен быть готов физически и интеллектуально идти на риск в поисках истины, подвергая жизнь опасности, и сражаться ради ее защиты, рискуя остаться в одиночестве и быть оклеветанным. "Я почти родился, живу и умру человеком пишущим и никем больше, — писал он одному из своих корреспондентов, — *истина*, везде, где я ее нахожу и есть моя пища; я не живу иначе"³³. Эту истину, которой, как он говорит, питается, Анкетиль находит в книгах: каталог его библиотеки насчитывает не менее 1600 томов. К этим томам нужно еще прибавить те книги, которые он брал на дом или читал непосредственно в Национальной библиотеке. Он также переписывается со многими образованными людьми Франции и Европы. Он не завсегдатай салонов, клубов, кружков. Но он неусатисфено пишет. Он в точности подходит под то определение, которое Вольтер дал писателю в Философском словаре: это воинствующий философ, воспитатель и мученик, это человек, созданный для того, чтобы публично высказываться по самым различным вопросам. О внутренней политике и внешней экспансии Франции Анкетиль-Дюперрон пишет политикам (Неккеру, Верженну, Ломени де Бриенну), а также папе Пию VI. Он не дает им покоя своими проектами и возмущается тем, что их не претворяют в жизнь.

В то же время он не отказывается и от покровительства государства. С самого начала своего пребывания в Индии он отправляет докладные записки в Академию надписей и изящной словесности, с которой благодаря поддержке друзей он ведет переписку начиная с 1756 г. По возвращении он буквально осаждает эту Академию: отчету о его путешествии посвящено все заседание 4 мая 1762 г., затем – заседание 7 мая, и обсуждение этой темы продолжается с июля 1763 по январь 1764 г., поскольку заседания проводятся лишь раз в месяц (Анкетиль-Дюперрон не выступает в октябре, но зато его слушают два раза в декабре), потом его слушают в апреле 1764 г. и еще 18 раз между январем 1765 и июнем 1769 г. И тем не менее сначала он терпит неудачу в Академии надписей и изящной словесности, в 1763 г. его принимают лишь в качестве ассоциированного члена и только в 1785 г. ему назначают содержание. Итак, он, можно сказать, силой взломал двери Академии, где только и можно было добиться научного признания. Будучи принятым, он не пропустил ни одного заседания вплоть до 1792 г. Так как Академия распространяла жетоны для получения вознаграждения за присутствие на заседании, Анкетиль-Дюперрон написал Неккеру и попросил его о большей регулярности в выплатах по этим жетонам³⁴.

Правда, в период Империи он, говорят, распределял свои постоянные доходы, которые получал от Французского института, среди членов обездоленных семей³⁵. Мы знаем также, что он ушел в отставку, отказавшись дать присягу.

И последнее: в Академии он выступал по любому поводу. Так, возмущившись тем, что он прочитал об Америке у различных авторов (в том числе у Монтескье!), "он почувствовал огромное рвение и взялся за перо" Результатом, как сообщают протоколы Академии надписей и изящной словесности, была "первая докладная записка, одно чтение которой заняло значительное количество заседаний: как по причине ее объема, так и из-за всякого рода дискуссий, которые она вызвала"³⁶. Докладная записка переросла в рукопись из 200 страниц, переписанную чужой рукой и остававшуюся неизданной до 1993 г. В ней Анкетиль-Дюперрон обрушивается почти на всех известных ему авторов.

Итак, Анкетиль-Дюперрон желая, чтобы его причислили к литераторам, пользуется такими же средствами, как и его современники. Однако полного признания он не получил. Остановимся теперь на другом аспекте его эксцентричности. В своем послании "мудрецам Индии", приведенном выше, Анкетиль выставляет на всеобщее обозрение, если можно так выразиться, свое грязное белье ("Я не меняю и не стираю нательное белье"). Его биографы любили напоминать, иногда в шутливой форме, о его внешнем виде. Рассказывали такой анекдот: однажды один из братьев Анкетеля не узнал его, встретив на улице, и предложил ему милостыню, но тот отказался³⁷. Находясь под впечатлением работ Гоффмана, можно было бы дать и другую интерпретацию этого рассказа³⁸. Не надо забывать, что представления французов эпохи Старого порядка о чистоплотности были несколько иными, чем наши³⁹, но Анкетиль-Дюперрон

выделялся даже на фоне своей эпохи. Если причиной такого поведения и были условия формирования его личности, мы все равно никогда ничего об этом не узнаем и потому не будем пытаться это выяснить. Но получается, если следовать Гоффману, что он играл роль клошара, т.е. силой навязывал взору, слуху и обонянию своих современников определенный образ. Анкетиль-Дюперрон в лохмотьях, дурно пахнувший и громогласный — есть нечто противоположное безмолвному уходу в тень, смирению и безразличию к мирским делам, которые он во всеуслышание провозглашал. Вопреки его публичным и частным высказываниям, это рассчитано на то, чтобы привлечь к себе исключительное внимание. А может быть, самодовольные рассказы, которые он приводит в своем отчете о путешествии, о его повторяющихся лихорадках, “движениях в животе”, так же как и о легкости багажа (две рубашки и два носовых платка), продиктованы тем же желанием добиться внимания?

Впрочем, достаточно ли было афишируемого героизма, поддержки круга друзей и союзников и продуманной карьерной стратегии? Было нужно еще, чтобы Анкетиль-Дюперрон привез из Индии неизвестные научные материалы, чтобы они были признаны — ведь только опираясь на этот успех, он мог занять свое место в сообществе ученых. И вот тогда настает второй драматический момент его карьеры: его обвиняют в фальсификаторстве. Это, без сомнения, самый известный момент его биографии: пока он готовил публикацию *Зенд-Авесты*, было создано мнение о том, что он не сделал ничего нового, потому что книга *Заратустры* уже имела в Королевской библиотеке. Говорили также, что его рукописи не были подлинными, или, даже, если они и подлинные, то не представляют исторического интереса⁴⁰. И наконец, знаменитое “Письмо к М.А. *** дю П***” известного английского востоковеда Уильяма Джонса, опубликованное в Лондоне в 1771 г., которое дискредитировало перевод *Зенд-Авесты*. В борьбе мнений, которая началась в 1760-е годы и продолжалась более 20 лет, Анкетиль-Дюперрон имел сторонников во Франции и поклонников за границей. Но среди его противников оказались как известные востоковеды, так и философы, во всяком случае некоторые из них. Если Кондорсе и Тюрго вступили в диалог относительно идей Анкетиль-Дюперрона, а Гердер начиная с 1775 г. признал его заслуги, то Вольтер, Дидро, Гримм, Вольней ставили под сомнение историческое существование *Заратустры* и подлинность приписываемых ему книг. Они насмеялись как над самой работой Анкетиль-Дюперрона, так и над значимостью религиозной традиции, которую он открыл европейцам. Совершенно очевидно, что Анкетиль-Дюперрон не был услышан и потому, что не нашел общего языка с этими философами. Дело, впрочем, заключалось еще и в том, что различные области знания были в то время не самостоятельными и слабо разграничены и люди образованные считали себя вправе высказываться по любому предмету. Нужно было дождаться 1833 г., когда был вынесен неопровержимый научный вердикт: Бюрнуф, исправивший перевод *Зенд-Авесты*, сделанный Анкетиль-Дюперроном, в то же время подтвердил древность и подлинность текста, привезенного Анке-

тиль-Дюперроном и, наконец, закрепил за ним место первооткрывателя⁴¹.

Итак, что же наш герой говорит? Каков его вклад как ученого и интеллектуала? Восстановив справедливость и установив истину, как оценить "Восточное законодательство" и примыкающие к нему тексты Анкетиль-Дюперрона, касающиеся политической системы Востока?

Индиец слаб и робок

Следует вместе с другими известными специалистами принять без всяких оговорок определение индолога Сильвена Леви: жизнь и творчество Анкетиль-Дюперрона являет собой более, чем событие, он открывает новую эру в истории человеческого разума⁴².

Knowledge for knowledge: Вкус к знанию. В самом деле, Анкетиль-Дюперрон привез с собой целый континент, главные тексты зороастризма и брахманизма, основные рукописи и образцы почти всех языков Индии. Вместе с другими современниками, миссионерами и учеными он стоит у истоков создания индологии и сравнительной лингвистики. Анкетиль-Дюперрона можно также считать основоположником научных экспедиций. В предисловии к Зенд-Авесте он критикует как религиозных миссионеров, так и тех, кого сегодня мы назвали бы "arm-chair scientists", кабинетными учеными:

"Действительно, многие миссионеры уже написали об Азии важные, даже весьма значительные в своем роде труды (1) (первая сноска уточняет: Ноэль, Купле, Бески и Гобиль): европейские ученые (2) (вторая сноска: Гайд, Мараччи, Шультенс, Ганье, аббат Бартелеми и Гинес) развили наши знания в том же направлении. Однако чрезмерная занятость в связи с миссионерской деятельностью у одних, отсутствие непосредственного контакта с жителями Востока, того преимущества, которое дает возможность взглянуть на мир только свойственным им образом, увидеть вещи их глазами, у других: вот те отрицательные стороны (таково, по крайней мере, мое мнение), которые всегда будут мешать, если не попытаться пойти по иному пути, чтобы приобрести об этих краях подлинно удовлетворительные сведения. И никогда эта пустота не заполнится, если информация будет поступать только от военных, моряков и торговцев".

Именно в это время он создает образ ученого путешественника, входящего в "Передвижные академии". Он заявляет, что набрасывал план их создания, начиная с 1760 г., когда в Сурате он преодолел множество трудностей и закончил переводы Авесты. Вот предложения относительно "Корпуса ученых миссионеров" или "Корпуса ученых путешественников": 80 академиков отправляются парами в четыре стороны света сроком на 12 лет, за исключением восьми человек, половина из которых остается в порту Лорьяна, половина – в порту Марселя, чтобы обеспечить материально-техническую базу отсутствующих миссионеров. Каждые четыре года молодые академики, также парами, должны поехать навестить тех, которые работают на местах, чтобы оказать им помощь и доставить в Париж их труды. Вер-

нувшись в Париж, ученые путешественники вместе с другими учеными, "преуспевшими в знании языков и народов", должны создать "особый корпус", который обобщит поступившие материалы и опубликует их.

Что же касается научной подготовки академиков, то они должны знать еврейский, некоторые современные европейские языки, древнюю историю, немного теологию, метафизику и астрономию. На местах они должны работать по двое, чтобы помогать друг другу, преодолевать трудности и одиночество. Сначала они будут изучать разговорный язык, исследуя местность в округе 15–20 лье от их резиденции. Затем следует продвинуться на 200–300 лье, начав изучение священных языков и чтение книг религиозных установлений и теологических сочинений. Они должны отметить искажения, которые претерпели священные языки, путем поиска родственных языков, оставшихся нетронутыми, и составить грамматики и словари этих языков, а также написать их историю. Следует приобретать труды на этих языках. А затем необходимо заняться описанием истории этих стран, связав ее с традиционными хронологиями: античной, еврейской, персидской, мусульманской, индийской.

Согласно Анкетиль-Дюперрону, астрономические и ботанические наблюдения излишни. Но он рекомендует, тем не менее, брать с собой художника, который зарисовывал бы памятники.

На самом деле, весь этот проект Анкетиль-Дюперрона есть, собственно, его автобиография: в качестве модели ему служат его собственные действия. Но какое это имеет значение, ведь этот проект как две капли воды похож на всякого рода планы, обсуждавшиеся в эпоху Возрождения. Создать "выявить, если возможно, Архивы Рода человеческого" (Зенд-Авеста, введение). Речь не идет о присуждении ему титула основателя наук о человеке, потому что в соответствии с вердиктом, произнесенным Леви-Строссом в "Печальных тропиках", этот титул уже отдан Руссо. Но стремление к тому, чтобы различать религиозную миссию и научное исследование, заслуживает быть отмеченным. Оно фиксирует возникновение светского знания о "другом", знания, единственным предметом которого, помимо провозглашенного единства человеческого рода, было также понимание различных историй и культур.

Таким образом, знание у Анкетиль-Дюперрона становится, так же как и у других представителей "восточного возрождения", основой универсализма. Его основная цель – выход за пределы библейской и классической традиций и введение в существующий канон другой культуры. Анкетиль-Дюперрон писал еще в предисловии к Зенд-Авесте о том, что "с начала возрождения наук" ученые исследовали все, "что касается евреев, греков, римлян, Европы в целом" (т. 1, с. X). Иначе говоря, у Анкетиль-Дюперрона явственно прослеживается осознание эпистемологического прорыва эпохи Возрождения XVI в. в том, что касается подхода к античному наследию. Однако он осознает и ограниченность подобного подхода. Ведь за его пределами остается большая часть мира. "Остатятся Америка, Африка и Азия – непаханное поле, которое, осмелюсь заявить, еще предстоит возделывать в том смысле, в каком я уже объяснил".

Человек везде одинаков. Провозглашение универсальности – главная мысль описания Анкетиль-Дюперрона. "Я человек, я люблю мне подобных; я хотел бы еще больше упрочить узы, которыми природа соединяет род человеческий", – пишет он во введении (с. VI). Завершается книга изложением такого же кредо: изучение языков и истории стран Азии должны предоставить способ "утверждения неотъемлемых прав человека". Определение, устаревшее сегодня. Но оно, конечно, звучало иначе в 1778 г., за одиннадцать лет до появления "Декларации прав человека".

Свободный от стремления объединить весь мир единой (христианской) верой, Анкетиль-Дюперрон хочет посредством знания и с помощью разделяемых всеми религиозных истин восстановить утраченное единство человеческого рода.

Итак, в произведениях Анкетиль-Дюперрона есть не только неизменно повторяющиеся формулировки, но и практическое руководство к действию. Анкетиль остается верен азиатскому континенту, которому отдал тело и душу. Он погружается в этот мир, когда Революция не оправдывает его ожиданий. Постоянно рассказывая об Индии, он до такой степени усваивает понятия и язык индийской культуры, что уже не переводит их для читателя, к которому обращается. Читать описание его путешествия очень трудно: он постоянно употребляет индийские слова, не давая себе труда – с помощью курсива или дополнительных вставок – хоть как-то отменить чужеродность терминов. Примером тому служит рассказ о трудностях в дороге:

"Я был остановлен в полукоссе от Неренгара одним чоки, который хотел увидеть чапу моего дастока: но так как у него не было чапы от набада Бенгалии, я отказался ему ее показать, пошел дальше и пришел в Баграбат, Альде с Сарай, отстоящую от Неренгара на один длинный косс. По выходе из этой Альде я встретил двух топаз (черных солдат-христиан, одетых по-европейски), возвращавшихся из Балассора".

Еще один пример, позволяющий представить себе всю монотонность этого почти 500-страничного описания:

"В одном длинном коссе от Тумура находится Нарпетт. Пион Нарвапета отнес пиону Нарпетта паспорт чоки из Онгели: несмотря на это мне пришлось ждать моего алькара, в виду тех трудностей, которые мне чинили чоки и которых было невозможно избежать, потому что они не были такими же сговорчивыми, как бенгальские чоки. К счастью, он пришел через полчаса с необходимыми дастоками и сказал мне, что дела улаживаются".

Без всякого сомнения, путешествие изменило Анкетиль-Дюперрона, изменило его вкусы и ценности, удалило от той среды, в которой он родился. Яркий пример тому – описание одного праздника. Это один из редких этнографических очерков, которые наш герой соглашается предоставить читателю в конце описания своего путешествия. "После фокусников появляются танцоры с их музыкальными инструментами, барабанами, флейтами и талом, звук которого, приятный для слуха азиатов, поначалу совсем иначе действует на европейцев. Но постепенно к нему привыка-

ешь. В этой музыке, как и в обычаях и в жизни в целом восточных народов, есть нечто, настолько затягивающее (если можно употребить это слово) европейцев, что по прошествии нескольких лет они едва ли станут сожалеть о чем-то, оставленном на родине”.

Затягивать, привыкать – это то, что на научном языке сегодня называли бы аккультурацией. Немного ниже – видимо, в записи, относящейся к концу 1759 г. (к тому времени он уже более четырех лет прожил в Индии), – он подробно, в деталях, рассказывает о своем посещении публичных бань. Описание заканчивается такими оценками, которые свидетельствуют о том, как пошатнулась шкала его ценностей: “Это действие длится три четверти часа; и надо признать, что после него не узнаешь себя. Кажется, что ты просто другой человек. В теле чувствуется, если можно так выразиться, какое-то спокойствие, рожденное гармонией”.

Это более, чем аккультурация, это духовное перерождение. Конечно, не без оговорок (“кажется, что”, “если можно так выразиться”), но признание другой культуры состоялось.

Его опыт и его знание Индии лежат в основе критики Европы – как ее практических действий, так и ее представлений. К примеру, речь идет о торговле живым товаром, продаже рабов, которой Индия не занималась. Он пишет в иронической форме: “Признаю сначала, что жители Индии пренебрегают некоторыми способами обогащения, в которых могли бы быть заинтересованы. Например, они еще не создали на постоянной основе торговли живым товаром, которую в Европе называют продажей негров. В этом они менее преуспели, чем мы.

Именно на знания об Индии, по крайней мере отчасти, Анкетиль опирается в своем оспаривании тезисов Монтескье. Он пускает в ход все средства. Его аргументация базируется также на информации, содержащейся в описаниях путешествий, на своего рода фонде общей культуры, к которому прибегали все уважающие себя люди его времени. Он использует французских и английских авторов, впрочем, отвергая их и указывая на противоречия, когда они не укладываются в его схему. По ходу изложения полемика с Монтескье меняет свою направленность. Теперь она все в большей мере направлена против самих путешественников и прямых свидетелей. Все это и есть самый слабый момент Анкетиль-Дюперрона: он уничтожает то, что поначалу изучал и собирал.

В его арсенале, тем не менее, есть и основанные на фактах аргументы. Так, он приводит и собственные свидетельства. Он осмеливается писать: я видел, я помню и т.д. Иногда он основывается на своих знаниях священных текстов Индии или Корана. Иногда приводит и анализирует источники и документы – индийскую газету, содержание купчей, текст которой переведен целиком. Наконец он пытается реконструировать политические системы Турции, Персии и Индии, стараясь понять их изнутри, даже если его метод нельзя назвать настоящим сравнительным.

Он раскрывает три темы: 1) законный способ достижения власти, который он иллюстрирует описанием церемонии коронации и восшествия

на престол; 2) существование законов, распространяющихся как на суверена, так и на подданных (отсюда анализ форм и способов борьбы против нарушения законов); 3) существование частной собственности, обладатели которой свободно ей пользуются. Очень сильные доводы, опрокидывающие все аргументы, которые использовал в своей критике политической системы Востока Монтескье, опираясь на Путешествие Бернье.

"Восточное законодательство", тем не менее, не вызвало откликов. Оно выдержало только одно издание, так же как и описание путешествия Анкетиль-Дюперрона. А описание Бернье, который посетил Индию веком раньше и пробыл там восемь лет, было издано трижды при жизни автора и столько же после его смерти. Монтескье пользовался им при написании своего труда "О духе законов". Что же касается "Путешествий" Тавернье, современника Бернье, то это произведение имело еще большую популярность⁴³. На Индию постоянно ссылались, когда рассматривали вопросы происхождения цивилизаций, возникновения религии и различных политических режимов. С "Восточным законодательством" дело обстоит совсем по-другому. Если книга и упоминается в биографических справках наряду с другими важными произведениями автора, то только потому, что сам жанр требует этого. Но пересказывают его разве что в индексах трудов по Востоку⁴⁴. Книга никогда не вызывала дискуссии, никогда не цитировалась как труд, на который стоит опираться. Почему? После первого же прочтения книги ответ напрашивается сам собой. Она компилятивна. Сам Анкетиль-Дюперрон находил возможным объяснить это тем, что основывался на авторитетных авторах. Но цель не была достигнута: было бы более убедительно, если бы он представил собственное видение Востока, опираясь на опыт шестилетнего пребывания там. Более того, структура книги плохо продумана. Она бестолкова и беспорядочна. Между рукописью произведения, хранящейся в Национальной библиотеке, и напечатанным изданием есть огромные расхождения. "Уведомление книгоиздателя", помещенное в начале книги, свидетельствует о том, что в процессе подготовки рукописи к изданию автор сделал такие значительные дополнения, что пришлось менять название произведения. Книга плохо написана, хотя Анкетиль-Дюперрон имел репутацию яркого автора. Данное произведение впрочем, как и остальные, этого не подтверждает, в чем мы имели возможность убедиться при цитировании его описания путешествия. Правда, он прямо во введении предупредил "о сухом тоне и корявой, почти варварской форме" своего произведения. Надо признать, что и другие его тексты страдают тем же.

"Восточное законодательство" отличается слабой аргументацией, критика воззрений других авторов слишком ограничена. Полемика же, особенно в XVIII в. обычно служила лучшим способом доказательства. У Анкетиль-Дюперрона, доведенная до крайности, она не достигает своей цели.

Итак, мы не можем принять аргументы Эдварда Саида и Анри Лорана в пользу того, что книга осталась неизвестной из-за любви автора к Востоку. Анкетиль-Дюперрон проиграл Монтескье не потому, что его

идеи были слишком оригинальны, а потому, что были плохо изложены. Программа Анкетиль-Дюперрона была прекрасной, и последующие научные исследования это только подтвердили. Но его неистовые атакинисколько не поколебали мощной интеллектуальной конструкции, которую являет собой книга "О духе законов".

Прежде чем констатировать интеллектуальный провал Анкетиль-Дюперрона, обратимся к другим его произведениям. Быть может, в них он смог высказать более проницательные суждения об индийской системе, которую знал лучше всего, и более умело использовать свой эмпирический опыт. Тематика "Восточного законодательства" продолжена в "Исторических и географических исследованиях Индии" (1786). Автор представляет новые доказательства в поддержку своих тезисов о природе власти, об отношениях между князьями и другими представителями власти, об организации и иерархии администрации в Индии эпохи Великих Моголов, о принципах владения землей и распределении доходов. А в своих последних "наблюдениях", "прочитанных в классе по древней истории и литературе Национального института" в 1803 г. и опубликованных после его смерти, он возвращается к рассуждениям о собственности на землю и правилам ее наследования не только в Индии, но и в Египте, опираясь, на этот раз, на работы своего выдающегося друга Сильвестра де Саси⁴⁵.

Но его описание Индии преподносит неожиданный сюрприз читателю: Анкетиль-Дюперрон обнаруживает там деспотизм. Необходимость существования деспотизма он обосновывает естественной слабостью и вялостью неевропейцев. Прочитаем длинный отрывок, где он противопоставляет "дух порядка, свойственный многим народам Европы" и допускающий "мягкие и вполне правовые меры", следующим чертам у индийцев: "Индиец по природе мягок, но мягкостью беслечной и ленивой. Чрезмерно жаркий климат, в котором он живет, расслабляет. Изобилие пищи и низкие цены на нее, если дожди идут в положенное время, позволяют ему отдыхать. Холод тоже не пробуждает в нем жажды деятельности. Он не знает необходимости укрываться от непогоды различными плотными одеждами или прятаться в домах, увешанных материями. Спать ему приятнее всего на земле или на постели из тростника: на мягких матрасах ему слишком жарко. Наконец, постелью ему могут служить простой коврик, кусок материи, которой он покрывает плечи, или просто циновка. Дети, которых до семи или восьми лет оставляют без присмотра на дорогах совершенно голыми, не стоят своим родителям ничего, кроме небольшого количества риса, сваренного на воде.

Расслабленности, как правило, сопутствует малодушие. Индиец слаб и робок. Та сила, которая, будучи разлита во всем народе, сохраняет свободное правление, держа умы в напряжении, истощила бы умственную энергию индусов. Отсюда и всеобщий деспотизм, господствующий в этих обширных странах. Но природа не всегда следует одним и тем же законам; иногда встречаются гении мужества, которых климат не может покорить".

Все клише о расслабленности жителей (производной от климата) и тирании правителей (как следствие этой расслабленности) присутствуют, таким образом, в длинном отрывке, в котором автор воспроизводит и развивает положения мемуара, составленного им в 1762 г., т.е. уже после того, как он покинул Индию. Впрочем, это не мешает ему рассказывать об отваге военной касты Наиров (с. СХI) или описывать систему правления в Каликуте как монархию, где суверен опирается на министров, стоящих во главе Совета (СХI), или обнаруживать ту же отвагу в знаменитом обычае сати. Анкетиль-Дюперрон запутывается в собственных противоречиях, которые ему не удалось разрешить: "Я остановился на некотором расстоянии от этого места, чтобы увидеть зрелище, уже описанное многими путешественниками. Это была молодая маратка, которая по жестокому обычаю должна была сгореть заживо рядом с трупом ее мужа. Горящие факелы, шум барабанов, пронзительные звуки флейт и крики присутствующих подчеркивали ужас церемонии. Однако (не знаю, поверят ли тому, что я собираюсь сказать) я заметил, что в тех краях, где все подчинено чувствам, причем самым пылким, уйти из жизни не так трудно, как в нашем климате. Человек, ослабленный жарой и привыкший к насилиям деспотизма, встречает несчастья и даже смерть с какой-то беспечностью и, если хотите, даже смелостью, которые в свободных странах и при умеренном климате свойственны только мужчинам"⁴⁶.

Мужская смелость – навязчивая идея Анкетиль-Дюперрона. А собственную "испытанную смелость" он охотно противопоставляет плутоватости и лениности жителей Индии, отмечая, правда, что эти пороки являются "порождением рабства, в котором они живут"⁴⁷. Похоже, что мало-помалу он рисует картину, подобную образу Востока, существовавшему в западной науке и разоблачаемому Эдвардом Саидом. О белом "расизме" и чувстве превосходства над людьми других антропологических типов можно судить по самому началу описания Анкетиль-Дюперрона, когда он упоминает о внушающей отвращение "толпе черных, запах которых наполняет смрадом церковь" (с. XXV). Далее Анкетиль приводит ужасающий образчик классификации человеческих типов, клиническое описание, из которого следует, что красота и совершенство существуют только у белых, тогда как метисы и черные являют собой испорченные черты единственно возможного канона – европейского⁴⁸.

И в оставшейся части книги Анкетиль-Дюперрон не вполне искупает свою вину. С удовольствием описав "прекрасную факиршу" 18–20 лет ("большие черные, полные огня глаза, маленький рот, с зубами, словно из лучшей слоновой кости" и т.д.), он затем заявляет, что "все эти совершенства почти заставляют забыть, что у нее черная кожа" (с. XX). Его всегда удивляли проявления гуманности у людей, не являющихся ни европейцами, ни христианами: индусов, евреев, мусульман, словом, "людей, которых мы считаем варварами"⁴⁹.

Этот добродетельный муж, который так охотно рассказывает о своей выносливости и о скудости средств во время путешествия, заставляет выбившихся из сил людей нести его в паланкине. Он требовал, чтобы

каждое утро ему искали новых людей, которых и заставлял исполнять эту тяжкую повинность – “даже брахманов”, признается он, добавляя при этом, что “такое насилие мне многого стоило, хотя я старался его смягчить щедрой платой” (с. С). Собственную воздержанность он постоянно превозносит, тогда как воздержанность маратов он называет “бесплодной” (с. ССХХV).

Knowledge is power: Знание – сила. В этом мы убеждаемся читая последние страницы Зенд-Авесты. Анкетиль рассказывает, как он играл на противоречиях между двумя кланами парсов для того, чтобы добыть рукописи и нужные сведения и у тех, и у других, скомпрометировать лидеров того или другого клана и манипулировать всеми без всякого стеснения. Он бессовестно хитрит, но обвиняет в том же и всех азиатов. “Наконец, чтобы понять, какого мнения мне держаться относительно различий, которые я обнаружил в двух рукописях, я стал осторожно выспрашивать моих ученых парсов. Именно с этой целью я довольно щедро заплатил за некоторые персидские произведения, которые они стремились сбыть, одновременно поручив им доставить мне маленький пехливи – персидский словарь, который они мне обещали, но не выполняли своего обещания под разными надуманными предложениями (хитрость, относительно которой надо делать вид, что ты ее не замечаешь, если хочешь чего-то добиться от азиата)” (с. СССХV).

Knowledge for power: Знание для власти. Анкетиль-Дюперрон враждебно относился к Англии и желал французского присутствия в Индии. Он даже представил Верженну, министру иностранных дел, план операции по отвоеванию этой страны у англичан; он отстаивал этот проект еще и после Революции. В своих поздних произведениях, в частности, в книге “Индия по отношению к Европе” (1798), он открыто ратует за утверждение Франции в Индии и даже разрабатывает стратегию, чтобы преуспеть в этом деле. В реализации проекта должны, по его мнению, участвовать три основных фигуры: торговец, солдат и человек, обученный местным языкам. Именно последний пользуется его особым расположением. Более чем на ста страницах он в деталях описывает отбор, подготовку и карьеру будущих агентов.

Собственной целью Анкетилиа, бесспорно, было познание. Часто с восхищением вспоминают ответ, который он дал индусам, заинтригованным его присутствием:

“Я с удовольствием вспоминаю о некоторых моментах моих переездов: мужчины и женщины, видя, что я ни военный, ни торговец и ни миссионер, спрашивали меня, зачем я приехал в Индию. Для того, чтобы увидеть вас, отвечал я им”.

Действительно, прекрасно. Но параграф продолжается:

“Они смотрели на меня с удивлением и умилением, не веря тому, что ранее слышали о грубой алчности европейцев. И все они старались мне услужить”⁵⁰.

Конечно, для многих из них услужить означало достать ему книги и рукописи. Но были и другие услуги, которых требовал от индусов Ан-

кетиль-Дюперрон. Он сам много раз упоминал об этом в описании путешествия. Надо думать, что с "умилением", о котором он писал, было быстро покончено. И его политический проект имел в виду экспансию Европы.

Последний раз Анкетиль-Дюперрон обращается к читателю в самом конце "Восточного законодательства" (после указателя, непосредственно перед словом "конец"): "Есть такие люди, которые, посетив тысячу мест, побывали только в одном". Что же он нам рассказал об этом месте, что поняли мы из его рассказа?

1) Что книга, к сожалению, не оправдала наших ожиданий. Именно, к сожалению, ведь надо признать, мы надеялись, что автор, побывавший на месте и хорошо информированный о делах Азии, мог бы постоять за нее. Мы хотели бы, чтобы автор вышел за пределы своего времени, оказался бы просвещенным предвестником тех ценностей, которые нам сегодня по душе. Мы хотели бы, чтобы он одержал верх в споре с Монтескье. Ведь, даже если мы от этого откажемся, то все равно пойдем по стопам Мишле: "Каждый умерший оставляет после себя маленькое достояние, память о себе, и требует, чтобы ее хранили. О тех, у кого не было друзей, должен сказать судья. Закон и справедливость более надежны, чем все наши недолговечные привязанности и быстро высыхающие слезы. А такой судья и есть история"⁵¹.

Неудача Анкетилля призывает нас не утирать слезы, а оказать сопротивление попытке сделать из нас судий.

2) Не следует становиться также агнографами и романистами. Избрав в качестве объекта исследования Анкетилля, мы поняли, до какой степени биографический жанр тяготеет к житию святых или историческому роману. Наиболее документированной и строго выстроенной остается его биография, написанная Раймоном Швабом. Автор не скрывает "увлечений" своего персонажа, его крайностей, порой неистового характера, его буйности и, наконец, неисправимой мизантропии⁵². Он честно передает "слова", сказанные о нем современниками – родными, друзьями и противниками, которые отмечали эксцентричность Анкетилля в молодости, зрелом возрасте и старости. Но над всеми этими незначительными штрихами преобладают элементы героического портрета и романтической судьбы.

Эффект преувеличения достоинств, произведенный исследованием Шваба, как мы могли убедиться, еще в большей мере присутствует у других биографов. Он заслоняет от читателя несимпатичные черты характера героя, с одной стороны, а с другой, – слабые стороны его творчества.

3) Социальная история культуры, в свою очередь, наталкивается на две трудности. Проявляя внимание к социальным условиям возникновения и распространения знаний, она чувствует себя неуверенно перед новшеством и оказывается вовсе безоружной перед неудачей. А нас интересует именно ситуация неудачи. Анкетиль-Дюперрон так и не полу-

чил желаемого признания, несмотря на осуществляемую в течение полувека стратегию продвижения своих планов и самоутверждения, упорное стремление возвращаться в академических кругах, постоянные высказывания по сюжетам, которыми он непосредственно не занимался и попытки заинтересовать своими предложениями известных людей своей эпохи. Нужно признать, что он не сумел примкнуть к лагерю тех, за кем было будущее — лагерю “философов”, а позднее “идеологов”. Впрочем, нельзя также забывать и его личных особенностей, надо вспомнить о совершенно невыносимом характере этого человека, о его голосе, ужимках, о той необузданности, которая звучит — и еще как — в его произведениях. Можно еще обратиться к социологии, изучающей отношения людей в обществе, и заметить, что он пренебрег ее принципами. Несуразная манера держаться, бестактные письменные и устные высказывания нарушали законы нормального общения и лишили уважения, на которое он претендовал.

Его активности было мало. Нужно было дать что-то значительное. Этому, провозгласившему себя влюбленным в правду, человеку отвечали: ваша правда неточна, она туманна. Риторика тоже имеет свои законы, а Анкетиль-Дюперрон решил, что ими можно пренебрегать.

4) История идей, в свою очередь, создает некую оптическую иллюзию, когда высвобождает идеи Анкетиль-Дюперрона, погребенные под книжными завалами. Она превращает их в передовые, выстраивает в определенной последовательности, переименовывает стиль Анкетиль-Дюперрона, чтобы в конечном счете представить их автора предтечей гуманизма. Осуществив такую комбинацию, трудно отдать себе отчет в том, что одни из его высказываний уже присутствовали в идеях его современников, а другие не принимались всерьез ни при его жизни, ни позднее, и потому не произвели большого впечатления. Лоран и Аббатиста вслед за другими идут по такому пути. Однако Аббатиста, хотя и очень старающийся реабилитировать неизданное и неизвестное произведение, много раз упоминает о затрудняющей понимание неясности мысли и выражения.

Другое слабое место метода истории идей. Акцентируя одни идеи Анкетилья, чтоб продемонстрировать их оригинальный характер, оставляют в стороне те, которые сводят на нет или, по крайней мере, уменьшают интеллектуальную новизну и предполагаемое своеобразие его трудов. Такой метод доведен до крайности у Аббатисты, который предположил “Рассуждениям о двух мирах”, сочинению примерно в 300 страниц, прекрасный очерк (100 страниц, не считая биографического портрета автора), начиненный цитатами, которые он тщательно отобрал. И тем не менее ему пришлось признать, что у Анкетиль-Дюперрона трудно увидеть стройную философскую гипотезу или вычленив элементы “науки о человеке” (с. XCI, CIV).

Будучи вполне на уровне мыслителей своего времени, Анкетиль-Дюперрон не становится от этого более известным. А может быть, это происходило еще и из-за того, что его мысль запутана, нечетка и плохо

изложена и направлена по большей части против других мыслителей? Существует некая эстетика истинного и даже ложного. Если бы Анкетиль-Дюперрон умел писать и приводить аргументы, его идеи были бы услышаны и пережили бы время, даже устарев. Полемика, важнейшее орудие доказательства во Франции эпохи Просвещения, не достигает у него своей цели, потому что Анкетиль-Дюперрон доводит ее до крайности. Выступая против всех кряду, он оглушает даже самых расположенных к нему читателей и в результате остается один. Еще хуже, люди просто перестают придавать какое-либо значение тому, что он говорит. Они только забавляются его словесными излишествами. Когда после его смерти Сильвестр де Саси отдал на продажу его книги, их раскупили моментально, но не из-за их содержания, а для того, чтобы посмеяться над теми записями, которыми он их уснащал. "Я прочитал многие из них, запечатлевшие его острый, своеобразный и даже странный ум, — писал один из членов Института Сильвестру де Саси. — Он иногда судит о том, чего не понимает. Меня особенно развеселили его замечания, касающиеся теологии и метафизики"⁵³.

Итак, Анкетиль-Дюперрон окончательно проиграл свою партию. Это произошло не столько из-за того, что его идеи были слишком смелы, сколько из-за того, что они были нечетко сформулированы, а также из-за того, что он — в своих поступках и в своих сочинениях — нарушил общепринятые правила отношений между людьми в обществе.

Перевод с франц. М.Ц. Арзаканян

- ¹ Об истории терминов и политических категорий "деспот" и "деспотизм" см.: *Koebner R. Despot and Despotism: Vicissitudes of a Political Term // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1951. Vol. 14. P. 275–302; Venturi F. Despotismo orientale // Rivista Storica Italiana. 1960. an. LXXII, fasc. 1. P. 117–126; Grosrichard A. Structure du sérail. La fiction du despotisme asiatique dans l'Orient classique. P., 1979; Valensi L. Venice et la Sublime Porte. La naissance du despote. P., 1987.*
- ² *Boulanger N.-A. Recherches sur l'origine du despotisme oriental (1761) // Boulanger N.-A. Oeuvres. Amsterdam, 1794. 3. P. 11–12.*
- ³ *Quesnay F. Despotisme de la Chine (1767) // Oeuvres économiques et philosophiques de F. Quesnay, fondateur du système physiocratique // Publ. par A. Oncken. Francfort; Paris, 1888. P. 563–660. Здесь автор использует древние и современные трактаты о путешествиях в Китай. См. также: Crepond M. L'Orient au miroir de la philosophie: La Chine et l'Inde de la philosophie des Lumières au romantisme allemand. P., 1993.*
- ⁴ *Said E. Préface // Schwab R. The Oriental Renaissance: Europe's Rediscovery of India and the East, 1680–1880. N.Y., 1984.*
- ⁵ *Schwab R. Vie d'Anquetil-Duperron, suivie des usages civils et religieux des Parses par Anquetil-Duperron. P., 1934. P. 7, 36.*
- ⁶ *Anquetil-Duperron. A.-H. Considérations philosophiques, historiques et géographiques sur les deux mondes (1780–1804) / Ed., introd. et notes de G. Abbattista. Pise, 1993.*
- ⁷ *Laurens H. Les origines intellectuelles de l'Expédition d'Egypte: L'orientalisme islamisant en France, 1698–1798. Istanbul; Paris, 1987.*
- ⁸ *Anquetil-Duperron A. Législation orientale, 1778. P. VI.*
- ⁹ См.: *Anquetil L.-P. Notice sur la vie de M. Anquetil du Perron. P., 1805. 8 p. in 8°; Silvestre de Sacy A. Le Magasin encyclopédique. P., 1805. T. 1. P. 411–414. См. также: Langues et littératures orientales. P. 126–127 // Dacier B.-J. Rapports à l'Empereur sur le progrès des sciences, des lettres*

- et des arts depuis 1789, IV: Histoire et littérature ancienne, présentation et notes sous la direction de François Hartog. P.; B., 1989; *Dacier B.-J.* Notice historique sur la vie et sur les ouvrages de M. Anquetil Duperron, lue le 1er juillet 1808. P., 1808. 33 p. in 8°; *Michelet J.* Bible de l'humanité. P., 1864. P. 10–11; *Maury A.* L'Ancienne Académie des Inscriptions et Belles Lettres. P., 1864; *Darmsteter J.* Essais orientaux. P., 1883. P. 8–17 (sur Anquetil-Duperron); *Vinson J.* Cours de linguistique. Les linguistes français: Anquetil du Perron... P., 1917 (Extrait de la Revue anthropologique, n° 9–10); *Levi S.* Les parts respectives des nations occidentales dans les progrès de l'indianisme: Extrait de Scientia, janv. 1924. P., P. 21–22; *Grimal P.* Dictionnaire des biographies. P., 1958. Vol. 1. P. 55; *Dussaud R.* La Nouvelle Académie des Inscriptions et Belles Lettres (1795–1914). P., 1946. T. 1. P. 88–89; Dictionnaire biographique des auteurs de tous les temps et de tous les pays. P., 1957. T. 1; Le Dictionnaire des lettres françaises. P., 1960. Vol. 1; XVIIIe siècle; *Kieffer J.-L.* Anquetil-Duperron. L'Inde en France au XVIIIe siècle. P., 1983.
- 10 К сожалению, отсутствует его “Жизнь Магомета”, копией которой, подписанной рукой автора, обладал P. Шваб. Библиотека этого ученого была разграблена нацистами в 1940 г. См.: *Mercur de France.* 1956, déc. n° 1120.
- 11 *Dacier B.-J.* Op. cit. P. 30.
- 12 О героизации и приписывании святости как способе создания литературного персонажа см.: *Bakhtine M.* Esthétique de la création verbale. P., 1984.
- 13 Relation abrégée... P. 328–330 // *Journal des Savants.* 1762. Juil. P. 324–358. Текст был прочитан в Академии надписей и изящной словесности, которая, несмотря на большой объем текста, опубликовала его.
- 14 См.: *Nouvelle biographie universelle depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours...* T. 2. P., 1853. P. 731–734.
- 15 О Руссо в этой связи см.: *Walter E.* Les auteurs et le champ intellectuel // *Historie de l'édition française* // Sous la dir. de H.-J. Martin, R. Chartier. P., 1984. T. 2: Le livre triomphant. P. 383–399.
- 16 *Michelet J.* Bible de l'humanité. P., 1864. P. 10–11.
- 17 *Bernard A.* Le Guerrier de l'esprit. P., 1983.
- 18 О его социальных связях см.: *Milo D.* “Le phénix culturel”: De la résurrection dans l'histoire de l'art. L'exemple des peintres français (1650–1750) // *Revue française de sociologie.* 1986. XXVII. P. 481–503.
- 19 *Schwab R.* Op. cit. P. 65–69.
- 20 *Anquetil L.-P.* Histoire de France. P., 1851. T. 1.
- 21 *Lyons M.* Les best-sellers // *Histoire de l'édition française* / H.J. Martin, R. Chartier. P., 1985. P. 368–397. T. 3.
- 22 *Hofer.* Op. cit.
- 23 *Vidal-Naquet P.* Mémoires: La brisure et l'attente. 1930–1955. P., 1995. P. 46.
- 24 *Nouveau dictionnaire des biographies françaises et étrangères* / sous la dir. D. Labarre de Raillcourt. P., 1000. T. 1.
- 25 О связях с янсенистами и верности их идеалам см.: *Schwab R.* Op. cit. P. 11–21.
- 26 *Murr S.* L'Inde philosophique entre Bossuet et Voltaire. P., 1987. Vol. CXLVI, T. II: L'Indologie du père Coeurdoux. Stratégies, apologétique et scientificité.
- 27 Абат Бартелими был не только автором знаменитого “Voyage du jeune Anacharsis” (1788), но также и нумизматом. В 1789 г. он был избран академиком.
- 28 Арман-Жером Биньон (1711–1772) – магистрат, директор Королевской библиотеки и член Академии (с 1743 г.).
- 29 Кретьен-Жером Малерб (1721–1794) – магистрат, директор библиотеки, академик. См.: *Malsherbes.* Mémoires sur la librairie. Mémoire sur la liberté de la presse. P., 1994; *Grosclaude P.* Malsherbes, témoin et interprète de son temps. P., 1961.
- 30 Relation abrégée. P. 330.
- 31 О деталях см.: *Schwab R.* Op. cit. P. 17 sq.
- 32 А. Момильяно, с вниманием относящийся к случаям государственной поддержки научных исследований неевропейского мира, несколько раз упоминает об Анкетиль-Дюперроне. См.: *Momigliano A.* Two English Books on Vico // *Sesto contributo alla storia degli studi classici e del mondo antico.* P. 211–230.
- 33 *Bibliothèque Nationale Paris.* Mss. fr. na. 23068. Fol. 213. Lettre du 7 mars 1801 à Camus.
- 34 *Schwab R.* Op. cit. P. 112.

- ³⁵ Dacier B.-J. Op. cit. P. 30.
- ³⁶ Archives de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres. 1780.
- ³⁷ Dacier B.-J. Op. cit. P. 30.
- ³⁸ Goffman E. Les rites d'interaction. P., 1974.
- ³⁹ См.: Vigarello G. Le propre et le sale. L'hygiène du corps depuis le Moyen Age, P., 1985.
- ⁴⁰ Schwab R. Op. cit. P. 87 sq.
- ⁴¹ Ibid. P. 85-104.
- ⁴² Levi S. Op. cit.; Schwab R. Op. cit.; Momigliano A. Op. cit.
- ⁴³ См. у Ф. Бернье (1620-1688), описание которого в 1699 г. опубликовано под названием "Voyages de François Bernier". См. также: Tavernier J.-B. Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier. P., 1677.
- ⁴⁴ См.: Laurens H. Op. cit.
- ⁴⁵ Saint Barthelemy P. Voyage aux Indes orientales, traduit de l'Italien avec les observations de MM. Anquetil du Perron, J.R. Forster et Sylvestre de Sacy sur la propriété individuelle et foncière dans l'Inde et en Egypte, P., 1808, Vol. 1-3.
- ⁴⁶ Другие замечания о деспотизме см. на с. CCCXIV.
- ⁴⁷ Relation abrégée. P., 1762. P. 352.
- ⁴⁸ Ibid. P. XXXVJ-XXXVIJ.
- ⁴⁹ См.: Ibid. P. XIV, CLXIX, LXVIII. LXIX.
- ⁵⁰ L'Inde en rapport avec l'Europe. T. 1. P. 344.
- ⁵¹ Michelet M. Histoire du XIXe siècle. Vol. 2. P. III.
- ⁵² Schwab R. Op. cit. P. 65, 97, 102, 130, etc.
- ⁵³ Guilhem de Sainte-Croix // Arch. de l'Académie. Mss. NS 376. N 16; Deherain H. Silvestre de Sacy et ses disciples. P., 1938. P. 60.